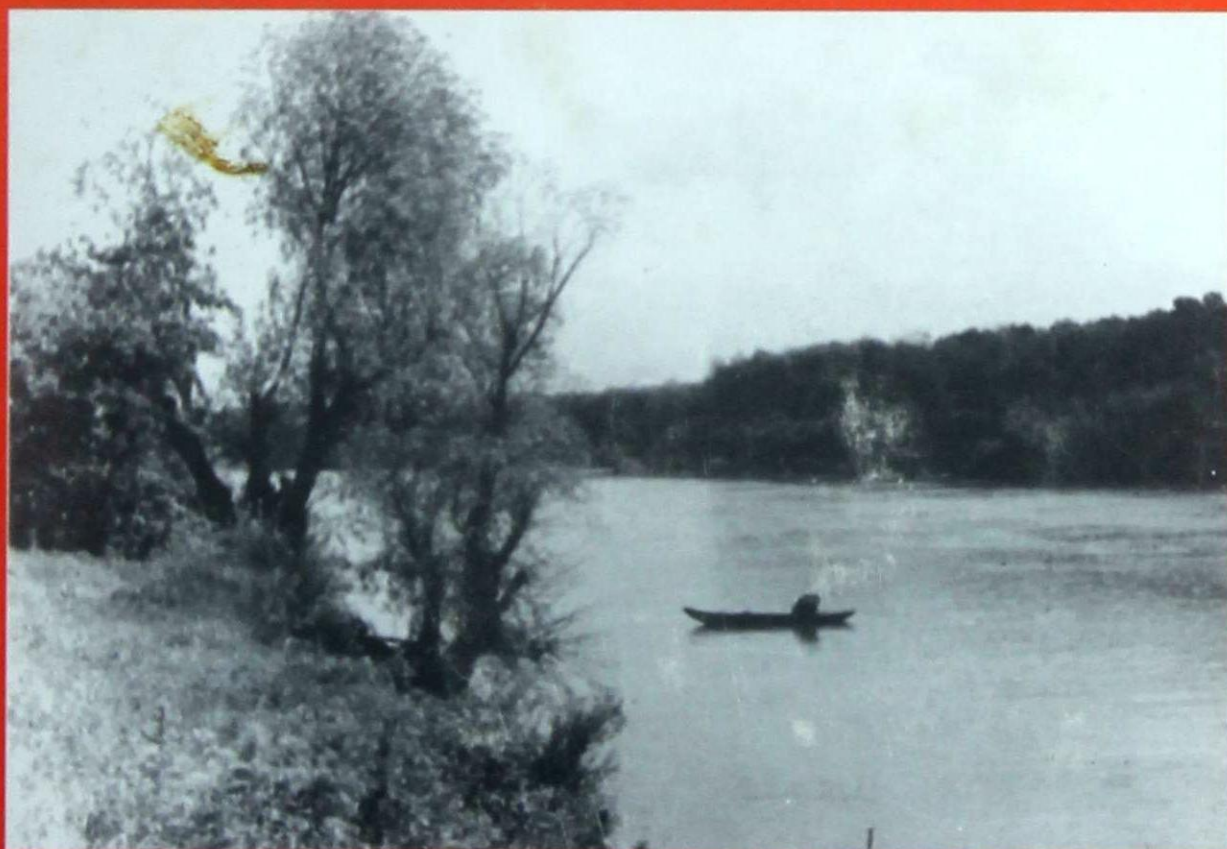

АЛЕКСАНДР ГОРБАЧЕВ

ЦВЕТ ЖИЗНИ

P2
1762

ОБ

Александр Горбачёв

Солдатская юность

*

Повесть

Рассказы

Очерки

*

+

115759 - 1 ✓

МКУ Битюковская Районная
центральная библиотека

Солдатская юность

ПОВЕСТЬ

I

Шоссе. Рядом с обочиной — непаханая полоса, усеянная одуванчиками и голубыми васильками. Блестит шёлк травы. Солнце почти взошло, но его лучи, скользнувшие по полю, ещё не набрали силы и не тронули душистой влаги рос на охладившейся за ночь земле. Из придорожных впадин ещё несёт предутренней прохладой, ночным безмолвием и тишиной, и над всем этим великолепием — густо-голубое небо, подкрашенное на востоке в розовый цвет восходящего солнца.

По шоссе несётся голубой «Зил». Ровно гудит мотор, шелестят покрышками колёса, машина едет мимо зелёных полей кукурузы, мимо волнующегося золотого моря пшеницы. За рулём уже немолодой человек. С ним рядом — солдат с эмблемами ракетчика на погонах. На кителе солдата поблёскивает множество значков, подтверждающих профессиональное умение и спортивную подготовку солдата. Солдат, облокотившись на дверцу машины, с восхищением смотрит на бескрайние просторы колхозных полей, на роскошное убранство зреющего урожая. Обернувшись к водителю, он вдруг просит:

— Остановите на минутку! Хочется своими руками хлеб потрогать.

Шофёр бросил короткий взгляд на солдата, откашлялся, словно собираясь что-то сказать, но промолчал и сбросил газ. Машина, прокатившись по инерции метров пятьдесят, остановилась.

Вблизи море хлебов казалось ещё шире и необъятнее.

Водитель, заметив в глазах попутчика восхищение, согласен кивнул головой:

— Хороши нынче хлеба. Давно не выращивали такого богатства. В отпуск едешь?

Сойдя с машины, добавил:

— Славное время для отпуска.

— У солдата время отпуска всегда славное, — улыбнулся солдат. Развёл руки в стороны, словно попытавшись обнять раскинувшееся перед ним пшеничное поле. — Скоро это всё превратится в народное богатство, в настоящее золото. Тогда не дремли, народ! Недаром говорят, день год кормит.

Водитель тем временем обошёл вокруг машины, постучал ногой по крышкам и поторопился:

— Садись, солдат, поедем!

— Пусковая установка готова? — пошутил парень и вскочил в кабину.

Машина запылила по степной дороге дальше.

Заметив беспокойство на лице пассажира, водитель с отеческой сердечностью спросил:

— Волнуешься?

— Да, защемило сердечко, — кивнул головой солдат.

Он вспомнил дом. Каждую былинку во дворе своём знал! Вспомнил хлопчущую без отдыха мать, жёсткие ладони отца. Скоро он снова увидит родных. Вдохнёт, как говорил поэт, дым отечества...

— У тебя, небось, и дивчина до армии была? — неожиданно спросил шофёр.

— Как сказать...

— Кто такая? Может, знаю? Скажу, как жила. А то придёшь в гости — а она замужем!

— Да что зря девичье имя трепать. Виделись несколько раз и разошлись без грусти. Пустое это.

— Может, и так...

— Это сейчас я в женихи выбился, а до армии в сопляках ходил.

— Так ты сын нашему кузнецу будешь, Александру Ивановичу? Андрей, значит... Деловой человек, работающий у тебя батя!

Солдат согласно кивнул головой.

— А насчёт повзросления, это ты точно заметил. В большом деле спешка добра не делает. Я вот поспешил в своё время, да, как говорится, людей насмешил, помотался по миру, год назад вернулся в родные места. А годы улетели, и дня не вернёшь...

Разговор неловко оборвался.

Грузовик ходко катил под гору. На скорости с шумом проносились мимо кабины деревья, вдаль, за белыми домиками, за зелёной полосой луга на мгновение блеснула серебристой полоской река. А ещё через десяток минут пути дома подбежали к самой дороге, опрятные и чистые.

Река ещё раз блеснула серебряными волнами и скрылась. Вишнёвый сад остался позади. А потом сразу открылась широкая площадь — и душу защемило. Солдат приехал в родное село. Издали донёсся девичий смех. По площади шла группа девчат, без усталости судачивших о своих, известных лишь им одних, делах.

Взвизгнув, они отпрянули с дороги. Но машина замедлила бег и остановилась. Водитель высунулся из кабины и крикнул:

— Эй, девчата! Жениха вам привёз, налетайте!

Девчата и сами увидели в кабине солдата, озорно переглянулись.

— Серьёзно говорю, забирайте, а то увезу!

Девичье любопытство взяло верх, и девушки, не сговариваясь, направились к машине.

Попрощавшись с водителем, солдат спрыгнул на землю. Подтянутый, в отглаженном обмундировании, улыбаясь, он шёл навстречу девушкам. Подружки остановились. Гордость девичья — пусть солдат первым подойдёт! А он — стройный красавец смотрел на них с любопытством, оценивая каждую из подруг.

Шофёр залюбовался разворотом плеч, солдатской выправкой парня.

— Ну что, ладного я вам жениха привёз?

— А мы сейчас разберёмся, — бросила на солдата испытующий взгляд Валентина, да так и замерла. — Ой, девчонки, да ведь это Андрей! В отпуск приехал!

— Кто он такой? — спросила её русоволосая подруга в белом платочке, со щеками, горящими, как красные маки.

— Не видишь, что ли? С вашей улицы, Андрей Ермаков! Два года назад служить ушёл! Не узнала? Очки тебе заказать надо...

Люда не обиделась и под смех подруг прищурила глаза, разглядывая Андрея, словно у неё и вправду была близорукость.

Подойдя к девушкам, Андрей поставил на землю чемоданчик, поправил гимнастёрку и, приложив руку к козырьку фуражки, торжественно произнёс:

— Здравствуйте, девочки!

— Здравствуй, Андрей, — ответила за всех Валентина. — А ты, похоже, тоже никого не узнаёшь...

— Валя?! Валюша... — Андрей растерянно глядел на девушку. — Какая ты стала... — с восхищением добавил он.

Сделав шаг навстречу девушке, он несмело взял её за руки.

— Приехал всё-таки... — радостно выдохнула едва слышно Валентина.

— К тебе приехал... Встретиться...

— Могли сегодня и не встретиться, — справилась со смущением девушка и заговорила кокетливо: — Мы на сутки идём работать.

Подружки, тихо посмеиваясь, перешёптывались в сторонке.

— Зайдёшь к нам? — бросила осторожный взгляд на парня Валентина.

Андрей достал пачку сигарет, закурил.

— Обязательно зайду. Но сегодня вряд ли получится.
Девушка удивлённо взглянула на Андрея.

— Сама понимаешь, первый день — родители, родственники...

— Ну что ж... Не смею тебя задерживать, — холодно отступила Валентина от Андрея.

— Нет... Подожди... Ты же на работе сутки будешь.

— С работы можно и отпроситься, — обиженно надула губы Валя.

— Я утром, часов в пять, на рыбалку пойду. Придёшь на наше место?

— Может быть, — изобразила неуверенность Валя, но по глазам было видно, что она аж задыхается от радости. Она победоносно взглянула в сторону подруг.

Поняв, что самое важное у Валентины с Андреем уже обговорено, девушки подошли поближе.

— С приездом, Андрей, — произнесла подруга Вали, Зина. — А мы тебя и не ждали. Кроме одной сумасшедшей.

Зина насмешливо взглянула на Валю, отчего та густо покраснела.

— Ладно, пойдём на работу, жданкина невеста!

Бросив на прощанье призывный взгляд, Валентина ткнула кулачком подружку в бок и повлекла её в ту сторону, куда девушки шли до встречи с Андреем.

Андрей ещё некоторое время смотрел вслед озорным девчонкам, то и дело оглядывающимся, чтобы бросить на него насмешливый взгляд.

Когда девушки скрылись в переулке, он поднял чемоданчик и зашагал домой.

Да, почти два года они не виделись с Валюшей. А переписываться стали только год назад. Как она изменилась! Была угловатой несмелой школьницей, а стала... Красавицей!

Страннее дело, как Андрей ни напрягал память, он не мог вспомнить облик Вали тех дней, когда и сам учился в школе. Как изменилась! Лишь выющиеся от природы волосы

цвета созревшего каштана остались такими же. Вспомнил, вспомнил он того воробушка из девятого класса!

А вот и родная улица! А вот и дом родной! От калитки смуглолицая, сероглазая девчонка с разбега кинулась к нему и радостно забилась на груди. Андрей с трудом узнал сестрѐнку Люсю. Выросла, повзрослела!

На крыльцо вышел отец. Он был в тѐмно-синем комбинезоне, в руках полевая сумка, шѐл на работу. Увидев сына, радостно воскликнул:

— Вот тебе на! Шура, иди взгляни, кто приехал!

Из дома слышались встревоженные женские голоса.

Андрей правой рукой обнял отца. Люся вовремя подхватила чемодан брата, он крепко обхватил батю обеими руками.

Знакомый скрип дубового порожка, и Андрей уже в прихожей. Мать, слегка пополневшая, с сединой в волосах, подбежала, обняла и расцеловала сына.

— Милый мой! Паршивец эдакий, не дал знать телеграммой... Всё бы встретили!

Подошла бабушка.

— Александра, слышь, Александра! Порог хоть дай ему переступить! Андрюшенька... Дожила, дал Бог свидеться! — старуха всхлинула, перекрестилась, подошла к Андрею.

— Заходи, Андрей, заходи! — подтолкнул в спину сына отец. — У нас завтрак закончился, но по случаю твоего приезда начнѐм сызнава... Заодно и пообедаем.

Догорал солнечный день. Солнце скрылось. Потемнела глубина небес. После жаркого июльского дня наступал вечер. Из-за горизонта надвигалась темнота. Она заполнила глубокие лощины и мягко вступила в село. Засветились огнями окна. Длинные полосы света от фар автомобилей резали темноту. То там, то здесь по стенам домов вдруг мелькнѐт яркий луч, вытянется, замрѐт и, скользя со стены, побежит по серой земле. Или выхватит из темноты отливающую металлическим блеском могучую крону великана-дуба...

Вечером в доме Александра Ермакова, колхозного кузнеца, было по-праздничному весело. Собрались родственники и друзья со всего села.

Сели за столы. Хозяин дома налил из хрустального графина багровой вишнёвки и пожелал:

— Выпьем за нашего защитника, чтобы был он в неизменном здравии... Чтоб, когда отслужил срок солдатский, домой возвратился.

Люди загудели. Александр Иванович коснулся своей пузатой рюмкой рюмки сына, рюмок соседей, зазвенел над столом мелодичный звон.

Вставил своё слово и дед Данила:

— Ещё выпьем за то, чтоб помнил, что земля — твоя колыбель. Из неё вышел, к ней и вернись! А кем будешь тут работать — не сомневайся. Механизаторы всегда нужны...

Все ожидающе посмотрели на Андрея. Андрей молчал. Потом качнул рюмкой и с усмешкой сказал:

— Этот вопрос, дед Данила, преждевременный.

Мать солдата недовольно взглянула на деда и вступилась за сына:

— И то правда, дед. Отложи этот разговор. Успеется. Год ещё служить парню!

Но дед Данила был не из тех, кого можно сбить с толку. Разговор о труде всегда был у него любимым делом.

— Может, к отцу в подручные пойдёшь, кузнечество? — поинтересовался он и принялся пояснять: — Теперь и в колхозе всё не так, как раньше, в кузнице кругом электричество, и станки, и точила, и меха сами крутятся.

— Знаю, дед, — улыбнулся Андрей. — Подумать дай.

— Сколь тебе ещё думать? — недовольствовал дед.

— Вот дослужу... за это время и подумаю.

Дед Данила встал, подошёл к Андрею и громко, чтоб все слышали, прошептал ему на ухо:

— А то ко мне, в мичуринцы, подавайся. — И продолжил уже в голос: — Стар я стал, а замены себе пока не подыскал.

— Да тебя, дед, из сада ещё лет двадцать не выгонишь!
— посмеялся кто-то из гостей.

— Вот и выучу за это время смену, — поддержал шутку дед.

Андрей снял со стены гитару, погладил её любовно, настроил и тихо запел:

Прослужил солдат три года,
Вышел срок ему домой.
Проводил его с почётом
В путь-дорогу взвод родной...

Струны ладно звенели, оттеняя сочный голос Андрея. Когда Андрей допел до конца, подошла сестрёнка Люся, поцеловала брата.

— Откуда такой красивый голос взял? Раньше как у молодого петушка был...

Трапеза подходила к концу. Александра Ильинична готовила посуду для чая и, покачивая головой, думала про себя:

«Шутят они, советуют каждый своё, куда Андрею жизнь направить... А Андрей, может, выберет что-то своё, чего и в голове никто не держит из родственников, мало ли где его рук ждёт работа...»

Чай пили долго, с интересом слушая затеянный дедом Данилой разговор на военные темы.

— Андрей, а как она, эта ракета, о которой газеты пишут, грозная штука?

— Грозная, дед. Ох и грозная!

— А ты поподробней, поподробней расскажи!

— Ну... Стартовав с пускового устройства, баллистическая ракета пробивает плотные слои атмосферы и большую часть пути к цели летит на огромной высоте. Затем боевая часть ракеты снова входит в атмосферу и направляется на цель, — прочёл Андрей наизусть цитату из тетради по спецподготовке.

— Что-то ты больно непонятно, — проворчал дед Данила.

— Это для старых мозгов непонятно, — подшутила над дедом бабка Наталья.

— А сбить её можно? — поинтересовался у сына отец.

— Трудно, — ответил Андрей.

Устав от непривычной информации, дед Данила внёс предложение:

— А ну-ка на посошок произведём ещё раз заправку ёмкостей!

— Изготовим двигатели для движения в плотной темноте окружающей ночи...

Мужчины дружно пошли к столу. Было уже за полночь, когда гости начали расходиться.

Первой встала из-за стола бабка Наталья. Опёршись на спинку стула, она наклонила голову и торжественно произнесла:

— Спасибо вам, хозяева. А тебе, Андрюша, особый поклон, — она низко поклонилась и с уважением добавила: — Ракетчик!

В небе сияли звёзды, и Андрею казалось, что они светят только ему. Над тёмными полями дул лёгкий ветерок, и Андрею казалось, что ветерок для него несёт волнующие ароматы... Казалось, тот же запах, что был на площади, когда он встретился с Валюшей... Валентина!

Андрей подошёл к койке, откинул знакомое с детства одеяло, лёг. Он был взбудоражен «гражданкой» — жизнью, от которой уже успел отвыкнуть за два года службы. «Гражданка» обрушилась на него каскадами девичьего смеха, волнением ожидания встречи с девушкой, экзаменом дотошных стариков, теплом заботливых рук матери.

Да разве можно уснуть солдату дома в первую ночь отпуска?!

В густой сирени изливал свой восторг соловей. Он то громко заливался трелями чудной песни, то замирал в сладостном молчании, то щёлкал, будто ойкал от избытка чувств...

Умолк певец.

Андрей ощутил в душе какое-то тревожное чувство. Ночью иной раз и не хочешь думать, а мысли лезут в голову, не дают спать. Тишина вокруг. Воздух пьянит. Андрей лежал на спине, заложив руки за голову, широко открытыми глазами смотрел в темноту перед собой и думал, думал, думал...

Ближе к утру он распахнул окно и вдохнул пахучий запах запасённого отцом сена. Рассветало. Далеко на реке приглушённой сиреной позвал пароход. Пятый час.

Андрей тихонько поднялся, оделся, вышел во двор. В сарае взял три удилица, которые лежали нетронутыми ещё с доармейских времён, и отправился на реку, где они до армии встречались с Вале́й.

Он спешил. А вдруг Валя придёт раньше него? Подумает — нехорошо пошутил солдат...

Андрей побежал. Ух и раздолье вокруг! Он вспомнил, как до армии шутя обнимал непокорную девчонку. Позволят ли обнять её сегодня?

2

— Тревога! Тревога! Подъём, тревога!

Солдаты проснулись все разом, тридцать-сорок секунд — и уже одетые солдаты бегут, хватая на ходу шинельные скатки и противогазы, ещё десять-пятнадцать секунд — в оружейной комнате схвачен автомат, тяжёлый и холодный...

Через минуту дополнительный приказ: «По машинам!»

Напряжение возрастает. Почему тревога? Кто объявил?

Из гаражей и ангаров выкатывают на линейку танки, бронетранспортёры, ракетные установки...

Дежурная машина привезла офицеров. Бегом в штаб батальона, получать приказ комбата.

Из штаба полка быстрыми шагами выскочил комбат первого батальона майор Курганов. За ним спешил начштаба Кулешов и командир одного из взводов, молодой лейтенант. Начальник штаба, придерживая одной рукой полевую сумку,

подошёл к головной машине и без предисловий скомандовал:

— Приготовиться к движению! Задачу получим на марше, время не терпит.

Механик-водитель Сеня Арзуманян, не расслышав за шумом мотора слов начштаба, переспросил у наводчика Андрея Ермакова, протиравшего ветошью стёкла кабины:

— Что получим на марше?

— Задачу получим, Сеня, а не доппаёк, — насмешливо ответил Андрей.

Комбат посмотрел на часы. Время, отпущенное командиром полка на сборы, истекало. Он пальцем пристукнул по часам, как бы засекая время, и сказал что-то стоявшему рядом регулировщику. Тот шагнул в сторону от машины, чтобы его видела вся колонна, и быстро завертел флажками, передавая приказ комбата.

От машины к машине разнеслось:

— Заводи моторы!

Тут же заурчали машины, которые ещё не были заведены.

Через некоторое время длинная зелёная змея колонны тронулась в путь. Сидели молча. Всё-таки неизвестность! Молча сидел даже командир взвода лейтенант Лучинский, любивший острые шутки и прибаутки, помогавшие в военной жизни.

Первым выкатил за ворота КП автомобиль комбата. Дежурный офицер, приложив руку к козырьку, проводил взглядом машину. На небольшой дистанции друг от друга шли остальные машины.

Скоро спящий городок остался позади, майор развернул карту, прикинул расстояние до пункта сосредоточения... Неблизко. Внезапно возникшие в шлемофоне звуки отвлекли комбата от размышлений.

— «Буря»! «Буря»! Прибавьте скорость до максимальной! — проурчал в шлемофоне голос полковника Пронина.

Майор посмотрел на стрелку спидометра. Она прыгала около отметки «60». Хорошая скорость для колонны на марше.

А Пронин не унимался:

— «Буря», как меня поняли?

— Вас понял. Есть прибавить до максимума...

— На пути будет речка. Вышли туда техническую разведку. Определите броды и пропускную способность моста через неё.

Минутой раньше разведчики уже доложили майору, что прибыли к речке и приступили к её изучению для переправы батальона. Полковнику он ответил:

— Понял. Всё будет нормально.

В шлемофоне стало тихо.

Мелькают вдоль дороги леса и рощи, тёмным частоколом встают лесопосадки.

— Хорошо идём, — проговорил комбат. Посмотрел на мягко колеблющуюся туда-сюда стрелку спидометра и напомнил механику-водителю: — Не сбавляй скорости!

Взводный, лейтенант Лучинский, оторвался от смотровой призмы, посмотрел на стрелку спидометра и с удовлетворением отметил:

— Хорошая скорость. И какой русский не любит быстрой езды!

Заметив через некоторое время снижение скорости, окликнул водителя:

— Васин! Прибавь скорости, отстаём!

— Есть... — Васин покосился на спидометр, где стрелка едва сползла с цифры «90», и вытер тылом ладони со лба горошины пота.

За бортом пел встречный ветер.

Сколько часов они уже на марше? Был короткий привал. Едва перекусили сухим пайком — команда двигаться дальше.

Взводный отложил карту, посмотрел на дремлющих солдат. На неровностях дороги их кидало из стороны в сторону, но никто не падал. Солдат может спать в любых условиях, что там — сидя в машине... Солдат может спать стоя, и даже с открытыми глазами! «Пусть поспят, — подумал лейтенант, — кто знает, удастся ли поспать этой ночью...»

СОДЕРЖАНИЕ

Солдатская юность. Повесть

3

«Я вернусь, мама...»

38

Начало

51

Включаясь в ток духовный

61

Четыре чашки чая с эпилогом

65

Горбачёв Александр
СОЛДАТСКАЯ ЮНОСТЬ

Повесть

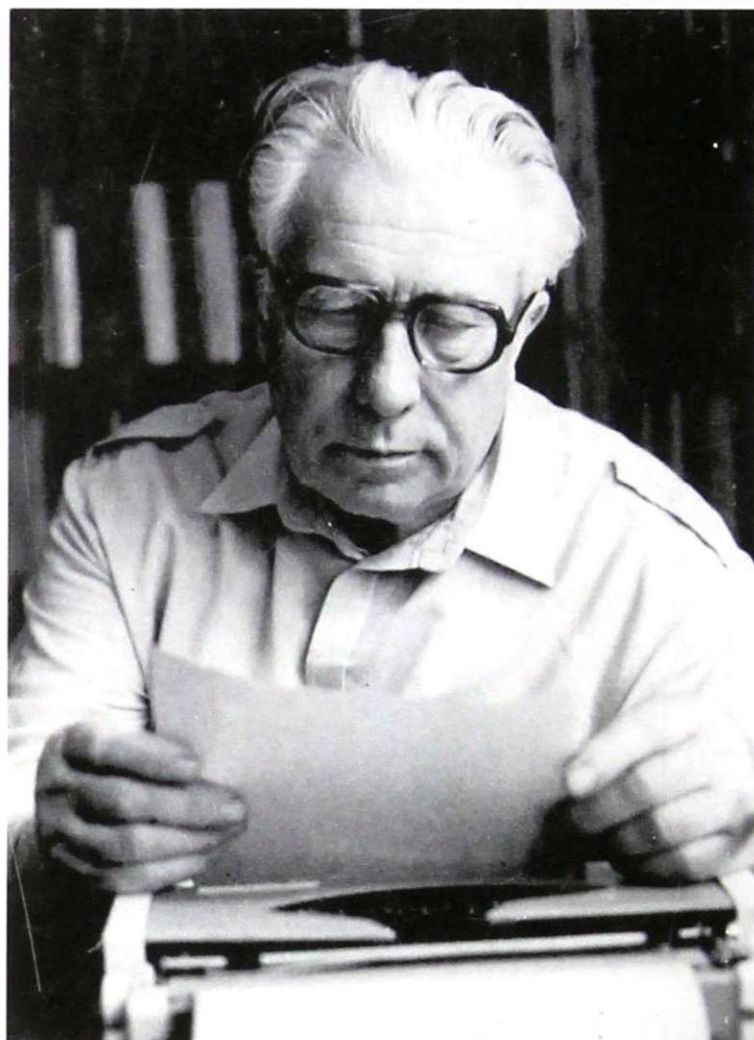
Рассказы

Очерки

Сдано в набор 12.07. 2000. Подписано в печать 20.07. 2000.
Формат 84 x108 ¹/₃₂. Уч.-изд. л. 4,12. Бумага офсетная. Тираж ~~200~~ экз.

Отпечатано с готовых оригинал-макетов в полиграфическом центре
«ИППОЛит». Г. Саратов, ул. Астраханская, 77.

20р.

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ

Родился в 1921 году в районном центре Белогорье Воронежской области. Печатался в коллективных сборниках и периодической печати.

Автор книг: "Солнце как в капле росы", "Не сломить солдата", "Слово о незабываемом прошлом", "Дороги фронтовые", "Привилегия-смерть". "Цвет жизни" — шестая книга автора.

Живет в г. Балаково.